DOI:10.58168/EHEUM2026_5-13
УДК 1.141.319.8

# ОНТОЛОГИЯ СОВРЕМЕННОГО ЧЕЛОВЕКА И ОБЩЕСТВА: ТЕНДЕНЦИИ СУЩНОСТНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

THEONTOLOGY OF MODERN MAN AND SOCIETY: TRENDS IN ESSENTIAL TRANSFORMATION

**Сухоруких А.В.,** доктор философских наук, доцент
ФГБОУ ВО «Воронежский государственный лесотехнический университет им. Г.Ф. Морозова», Воронеж, Россия

**Sukhorukikh A.V.,** Doctor of Philosophy Sciences, associate professor
Voronezh State University of Forestry and Technologies named after G.F. Morozov,Voronezh, Russia

**Аннотация:** в статье обозначены тенденции, касающиеся сущностной деградации онтологического феномена человека в условиях длящегося экзистенциально-цивилизационного кризиса, намечены аспекты его фундаментального обновления, его образования как возрождения духовного бытия.

**Abstract:** the article outlines trends concerning the essential degradation of the human ontological phenomenon in the context of the ongoing existential and civilizational crisis, outlines aspects of its fundamental renewal, its formation as a rebirth of spiritual existence.

**Ключевые слова:** человек, кризис, цивилизация, образование, язык, культура.

**Keywords:** man, crisis, civilization, education, language, culture.

*«Лишь слово достойно запечатлеть настоящее,*
*а сердце – единственное место для хранения действительно важных вещей».*
*Р. Киплинг.*

Радикальные социокультурные катаклизмы, как правило, особенно рельефно выделяют антропософский вектор познания, остро ставят вопрос о сущности человека в бытии: кто он, какова его подлинная природа и какова среда, его формирующая? Длящийся два десятилетия системный – экономический, социокультурный, этноконфессиональный – мировой кризис всё определённее обнажает свою антигуманистическую сущность. Сегодня налицо не просто проблема самоидентификации личности в социальной среде, но экзистенциальный крах самосознания человека: он в своей массе в принципе больше не понимает, зачем он на земле?

В глобальном цивилизационном масштабе человек стал восприниматься исключительно опосредованным объектом: капиталом, средством, «пользователем», – перестав быть ценностью и целью бытия, единством органической формы и духовной сущности, созидающим началом, извечной тайной мышления, чувства и слова. Такие тенденции обусловили и кардинальное изменение, фатальное искажение основополагающих принципов традиционного образования. В своей исконной сути: как триада учения, учителя и ученика, диалог человека с человеком, поиск истинного знания – оно в системном ключе более не существует. Становясь формой коммерции, оно имитирует, нивелирует, наконец, все

© Сухоруких А. В., 2026

больше отвергает важнейшие – духовные и когнитивные – эволюционные свойства человека, по факту отвергая его самого, его сущность.

Современная техногенная цивилизация вошла в экзистенциальную инерцию, чреватую инволюцией, угасанием созидающего человеческого начала – в этом ответ на вопрос, отчего на сегодняшний день нет фундаментального философского вопрошания и, тем более, осмысления проблемы того, что «человек как феномен» последовательно уходит из культуры, из социума, из языка – из всех основных онтологических форм.

Между тем, историческое, социальное и, как кажется, даже биологическое время ускоряется – стремительно и кардинально меняются в общественном сознании сами критерии человеческой состоятельности, ассоциируясь с предельными операционными скоростями, включённостью в информационный контент, утилитарным прагматизмом. В силу этого, принципиален целый ряд вопросов: кем сегодня становится человек в своём необусловленном значении? насколько, в сущности, изменился он сам и человеческое общество в целом? Наконец, что остаётся константой, благодаря которой возможно заметить и осмыслить идущие изменения?

Обозначим ключевые параметры фундаментальной трансформации человека в его экзистенциальной, социальной, культурной и языковой ипостаси – как в глобальном масштабе, так и в реалиях сегодняшнего российского общества.

Конвенциональный эпистемологический дискурс современности относительно феномена человеческого существа безальтернативно материалистичен, он обусловлен парадигмой «транс»- и «постгуманизма», максимой идей рационализма и индивидуализма, апофеозом сциентической догмы [4]. Здесь не только «предел прогресса» безупречно модифицированного человека, его когнитивный «инжиниринг» и его генетическая «победа над смертью» [12], но и завершённый эксперимент «фаустовского духа» западной цивилизации, в конечном счёте, её антигуманистический нарратив, эталон «прометеевской воли», манифестированный И. Хассаном ещё в конце 1970-х как возможный выход «за человека» в иные формы материи или информации [11]. Апологетика нейро-когнитивных исследований, уподобляющих человеческое сознание общедоступной интерактивной информационной доске [10] и абсолютизация значения сетевых технологий, «искусственного интеллекта», становящегося в ряде регионов мира фактором макросоциального контроля, говорят о том, что ни эмпирическая параллель «квалиа», ни управленческий прагматизм «цифры» больше принципиально не рассматривает целостную природу человека, игнорирует онтологический аспект его духовного начала.

Кардинально разделяющие тенденции обнаруживаются и в макросоциальном контуре цивилизационного устройства. Появился «глобальный мир», открытый «глобальному» человеку-космополиту, перемещающемуся в качестве политика, бизнесмена, медиамагната, финансиста, наконец, просто туриста вне национально-государственных и иных границ [3]. Вместе с тем, образовались и «локальные» экономическое зоны, в которых ««навсегда застрял» «локальный человек», обуславливая совершенно новый этносоциальный дисбаланс, при котором не только отдельные лица и сообщества, но и целые народы обречены перемещаться по континентам в качестве мигрантов, навсегда оставаясь людьми «второго сорта». Такого рода «локализация становится обратной, тёмной стороной глобализации», которая не только разделяет страны, но и «рассекает» их, лишая большую часть населения необходимого доступа к информационным ресурсам, просвещению, социальному обеспечению, культуре. При этом непреодолимые «границы между «глобалом» и «локалом» могут проходить по одной лестничной клетке» [9].

Заметно редуцирован и процесс культурогенеза. Здесь отметим, что общепринятый нарратив «постмодерн», как, собственно, и термин «до-модерн», подразумевают некую «точку отсчёта», начало генезиса наивысочайших интенций гуманистической культуры, рождение наиважнейших ценностных символов «цивилизации слова и образа». Иными словами, от наследия сакральных традиций «осевого времени», по К. Ясперсу [13], до шедевров классики эпохи «модерна» формировались и возрастали общие духовные основания и гуманистические критерии антропосоциогенеза. Константы истины единого сущего, абсолюта справедливости, Божественного завета формировали«предельные» онтологические, социальные, этические и религиозные презумпции, в фокусе которых,в рефлексии о целостном бытии, существовало историческое человечество.Сегодня, с утратой канона традиционных вероисповеданий и символизма сущностного духовного единства человечества, современные религия и культура опасно радикализируются, манифестируют догматическую исключительность, становятся непримиримы вплоть до экстремизма и феномена «отмены», делаются не просто релятивистской, но агрессивно антигуманистической, противоположной самой своей сути, средой.

Символический образ культуры «постмодерна» словно разбит на осколки, на фрагменты, он «размыт», искажён, «смазан» на пиксели. Вольно или невольно, но Й. Хейзинга сделался для современности тем, кем стал для XIX в. Ф. Ницше: «убив Бога» вчера, сегодня все мы стали частью «игры» или «сделки» – касается ли это искусства, политики, экономики, повседневной жизни. Культура имиджа, яркого китча, атрибутика обязательной презентации комплиментарного социального действия породили феномен поддельности, «кажимости» любого – личного, профессионального, национального, политического, – существования. Качество множимой деградации, принцип «симулякра» обусловил *императив тотальной имитации*, создав опасную интерпретацию эгоцентризма, иллюзию персонального владения и управления буквально всем: тарифом связи, транспортным средством, жильём в кредит, биологическими, социальными и геополитическими процессами, наконец, своей жизнью и судьбой. В этой онтологической точке, где «матрица» «постмодерна» максимально проявлена в своей фиктивной сути начинается фатальная энтропия всякого – антропо-социального, этноконфессионального, наконец, психо-культурного, на уровне архетипов, – бытия. Когда больше не существует Бога, человек больше не Его замысел, законы священного Слова и Числа отвергнуты, «игра» продолжается уже не как «восстание», но как «шизофрения масс» [8]: допустимо «расщеплёние» человека на «парламент органов», ему может быть вменена норма нескольких полов, множества совершенно разных личностей, ролевых статусов, IT-профилей. В таком нарративе и его образование рассматривается только как игровой статус, стереотип популяризации базовых эмпирических фактов – тогда как за всем этим мы видим продуманную экономическую стратегию быстро окупаемых инвестиций, монополию технологий продажи продуктивных и потребительских навыков, что само по себе исключает просветительскую задачу поиска и даже трансляции фундаментальных и передовых знаний.

Закономерно дифференцируется некогда единое пространство гуманистических и культурогенных смыслов, и вместе с ними языковая среда: локальные информационные кластеры, «коридоры нарративов» сужают круг общезначимых тем, в прошлое уходит долгое рассуждение и развёрнутая речь, широкое обсуждение социальных явлений, научных фактов и феноменов. Онтологические категории исчезают вслед за их языковыми значениями: искусственным, подчёркнуто презентационным становится всё – от эмоций и интеллекта, до истины и морали. При этом парадоксально эффективным оказывается экономический фактор: когда необходимость единственной истины подмене на неопределённостью «чистой эмоции»,

рейтинг продаж возрастает – и уже директивный комфорт одобрения массово обеспечивается «цифровыми» технологиями, монетизацией «лайка» в социальных сетях.

Рост деструктивных тенденций «культуры имитации» и её «цифровой» контекст взаимообусловлены. Фактически каждое культурообразующее начало, будь то традиция семьи, религиозная проповедь, знаковость сказанного слова и значимость поступка –утратило фундаментальное целеполагание, став опосредованным или средством, и при этом всё может быть названо маргинальной доктриной. В этически нейтральном «цифровом» пространстве анонимность, типичность и безымянность «цифровой личности» формально стали ассоциироваться с подлинной человеческой личностью. Социальные сети, асоциальные по своей сути, опосредуя живое общение и важнейшие когнитивные характеристики, максимально отделили человека от человека, разрушив единый ценностный императив его неповторимости, уникальность присутствия личности в мире, сделав несущественной реальность созидательного человеческого выбора, слова, мышления.

Сегодня максимально нивелирован и важнейший в своей этической плоскости философский вопрос бытия человека: его отношение к смерти в антитезе добра и зла. Во все времена вопрошавший: что есть я и каков мир? что есть моё существование и что есть Бог? – человек в поисках себя и высшего начала жизни исчезает как символ и суть культуры. Он перестаёт быть воплощением основополагающего выбора: знания добра и различения зла, ответственного преодоления своих худших моральных качеств, постижения смысла каждодневного нравственного труда. Масштаб его впадения в «иллюзию», или, если в религиозном контексте, «в прелести», особенно нагляден вновь именно в экономической плоскости: капитал – «цифровой», финансовый, политический, поиск выгоды, прибыль и безопасность её извлечения – единственное, что имеет значение. Именно «человеческий капитал» воспринимается средством перманентной сделки, а принцип «не быть злом» сегодня вычёркивается даже из корпоративной этики, в частности, при разработках новейших технологий атакующего «искусственного интеллекта» в условиях стремительно растущего рынка «ИИ-дронов». Собственно, человеческое начало извлечено даже из самой смерти: в её лицо, как и в лицо жизни, взглянуть уже невозможно. И наконец, фундаментальный аспект нашего времени: в мире больше нет общечеловеческой разумности, общих рациональных начал – свой язык, непропорциональные критерии «нормального» и «радикального» теперь есть у каждой традиции, социальной или операционной системы, даже у ИИ. Единственное, что ещё «человечно», что общее у человечества – как «движение на ощупь» в будущем обустройстве мира [7], – это знание сердца, этос духа, интуиция совести.

Глобальные тенденции экзистенциального кризиса оказали существенное влияние и на российское общество: на протяжении последней четверти века его ментальное пространство, социально-психологический профиль, культурная и языковая среда значительно изменились – и внятной рефлексии по этому поводу ещё не состоялось.

Вряд ли в полной мере осознано, насколько с распадом СССР морально «осиротела» огромная поликультурная общность. Ушёл в прошлое не только грандиозный цивилизационный проект, но и человекоцентричный культурный код, подаривший миру космический масштаб фундаментального знания и символизм ставшего реальностью небывалого прежде «будущего». Десятилетия господства «симулякра» «демократических преобразований» породили феномен «экзистенциального страха 90-х», когда в менталитете атеистического в недавнем прошлом общества утвердилась модель буржуазного мышления, протестантской морали и законодательно-правовой практики. В построении новой российской государственности обнаружилась неустранимость противоречия между равенством и

свободой, «неконкурентность» добра по сравнению со всегда активным злом. Повседневная атмосфера моральной ответственности и человеколюбия, критерии сущностного равенства, гражданского достоинства, искренней близкой дружбы и трудовой чести – эти базовые компоненты совместного социального бытия исчезли или были значительно деформированы. Ярким примером «ментальной агрессии 90-х» можно назвать собравшую аншлаги в кинозалах страны экранизацию «Унесённых ветром» М. Митчелл, когда главная героиня по сюжету, в критическую минуту, эмоционально, словно некий код произносит, что она теперь обманет, убьёт, украдёт, но никогда, никогда больше не будет голодать. В итоге, целое поколение обрело жизненный принцип и характерное речевое клише: «*не мы такие*». Отдалённым последствием для современного российского социума стало исчезновение традиционной конкретики совести, в нём больше нет общезначимого эталона чести, имманентного принципа доверия.

Ведущий российский философ 1990-х, А.С. Панарин, засвидетельствовал радикальный нигилизм по отношению к прошлому и нравственную катастрофу в обществе, стремительно воспринимающему навязанные капиталистические формы собственности, принцип индивидуальной исключительности, конъюнктуру рыночных отношений, ставшую метафорой. Сформированный «буржуазный социальный заказ, – отмечал учёный, – состоит в том, чтобы полностью освободить «экономически ориентированного» индивида от всех социальных и моральных помех, выстроенных на его пути культурой и цивилизацией». В итоге «все институты и установления деконструируются до уровня того, что непосредственно соотносятся с индивидуальной волей к обогащению любой ценой» [6, с. 27].

Российский истеблишмент к середине «нулевых» справился с этой задачей, провозгласив, в том числе, целью образовательной политики получение «квалифицированного потребителя» – объекта корпоративной манипуляции в условиях глобальной макроэкономики.В итоге, базовым экзистенциальным критерием в общественном сознании стал фактор легитимации финансовой состоятельности (высокой цены, а не ценности) индивида, подлинным ресурсом – только власть, её «товарность» и продуктивность, и под «продуктом», с соответствующей ценой, понимается всё, в том числе – последовательные идеологические макронарративы: «демократизация», «монетизация», «модернизация», и наконец, «цифровизация».

Новый тип межличностных отношений, а по существу, протестантский «культ успеха», предопределённой социальной избранности, превращения жизни в источник дохода, утвердился, прежде всего, в российской бизнес- и политической элите. Ресурс накопления властных полномочий и сам онтологический статус власти по умолчанию начал определяться ценностью самой природы денег, доминированием богатства, по-своему «священным» стремлением обогащения, призыв к которому отождествил максиму «демократических свобод» с господством финансового капитала без границ. Отношения договора, партнерской сделки стали главным принципом социального взаимодействия.

Особо подчеркнём, что параметры всё возрастающей до сословного антагонизма в условиях «свободного рынка» разобщённости российского общества, масштаб имущественной дифференциации и капитализации власти задала латентная, возникшая на принципах протестантизма, субкультурная сегрегация, прочно закрепившаяся в сакральных языковых формах: «лидер-лузер». Характерно, что в протестантской этике меркантилизм и коммерческая сущность природы капитала – центральные категории, залог спасения в богооставленном, завещанном человеку «мире кесаря», в котором «Небо отделено от земли». «Наш Господь Бог очень высок, поэтому он нуждается в этих палачах и слугах, богатых и

высокого происхождения, имеющих почести в изобилии и внушающих всем страх», как известно, проповедовал Лютер [5, с. 166]. Иными словами, есть благодать удачи, поэтому реализующий принцип «не успешен – не благ» «лидер» – это моральная категория: он исключителен в своём стремлении словно «земной бог», «спастись успехом», ибо «совесть – для Неба». В свою очередь «лузер» – также категория моральная, это символ иной предопределённости, ярлык «неспасённого», отверженного, клеймо нечистоты. Такова самая глубокая и губительная ментальная деформация российского общества, породившая прецедент разделения на «свой-чужой». В языковой среде, он «отлился» в стойкие жаргонизмы «крутой» и «лох», обусловив проявление самых опасных форм «внутренней» социальной патологии: провокационного эгоцентризма, демонстративного презрения к бедности, гендерно-возрастную сегрегацию, массовую школьную травлю.

Российская социальная среда, заявленная как «общество православной традиции», по сути, продолжает двигаться в сакральной парадигме деистической протестантской культуры, где Бог и совесть априори исключаются ради приоритета разумного консенсуса, легитимного договора, удачной сделки. Сегодня неявна и социальная ипостась православия – принцип общинности, «міраво Христе» [2]. Вместо него по факту доминирует протестантская этика, в которой «спасение» – или успех любой ценой, или принадлежность к «правильной» избранной общине: сословно-статусной, профессиональной, корпоративной, «сетевой», «цифровой». Для каждой из них – культ изоляционизма, избранности и властных полномочий, прерогатива «богоугодной» истинности. Такая локальная социальная общность-институт – словно «маленькое государство» (большим оно не может быть, избранных единицы). Его глава: «президент» фирмы, компании, клуба – закрепляет «симулякр» внутренней корпоративной морали, критерии эксклюзивного таланта и общего процветания. Идея превосходства заложена в культ исключительного соответствия возрасту, тренду, статусу кредитоспособного, интеллектуальным ресурсам, маркетинговым стратегиям, наконец, критериям «цифровой среды». Что порождает в человеке и в обществе перманентный страх «изгойства»: «лузер», неудачник – это путь на социальное дно, в «протестантский ад» для всех, не «вписавшихся» ни в рынок, ни в «цифровое будущее». Такая социальная эффективность, как и «оптимальность» ИИ – это однозначно жестокость, когда человек, по сути, вновь раб, вещь, лишённая души, что, к слову, несовместимо с сущностью христианства.

Эпоху «замороженного социального взрыва» рубежа тысячелетия в России сегодня сменила «цифровая эра». «Цифровизация» как явление стала апогеем маркетинговых стратегий и технологий управления в дегуманизированной социальной среде, что наиболее объективно отражает сфера образования [1]. Именно здесь возник прецедент «онтологической анонимности»: моральной «безликости» ученика с одной стороны и отсутствия мыслящего и достойного человека, наставника и учителя, с другой. Социальный статус последнего просто низвергнут, и вместе с этим уничтожен институт детства. Сформированная «цифровая повестка», следствие искусственной «инфантилизации» социальной сферы и образовательного пространства, отвергает ценностный подход к человеку, приписывая ему статус «игрока в жизнь», тогда как практика «эдьютеймента» исключает тайну ребёнка, которую хочется открыть, как чудо.

Футуристический пафос «постмодерна» с его *имитацией* социокультурной идентичности и экзистенциальной состоятельности человека утверждается в российской ментальности, языковой среде и информационном пространстве. Как следствие, зафиксирован максимум тревожности в обществе: атомизированном, руководствующимся ситуативной

моралью, довольствующимся информационными «капсулами» потребительского комфорта. «Социальные сети» всегда опосредованного online-общения обусловили симптоматику необратимой психо-ментальной дифференциации, при этом реальное, некогда единое общественное пространство разделено зонами безопасности, периметрами заборов, секторами видеонаблюдения.

Фундаментально «разделяющим» стал и язык: из него уходят общезначимые смыслы, теряется ценность его интонационных оттенков, он превращается в ассоциативный конструктор произвольных интерпретаций. Даже люди, говорящие по-русски подразумевают различные нарративные значения сказанного. Мир «русского слова» исчезает не только в сленге и жаргоне, но и в заимствовании англицизмов, в их лингвистической кальке. В инвазии языка происходит агрессия ментально чуждой культуры, конфессиональной традиции. Почти совершено вышло из обязательного употребления русское отчество. Слова «ровно», «изначально», «соответственно» стали бессмысленными, злоупотребление словом «более» «свело на нет» естественное для русской орфографии формирование окончаний. Глубинные оттенки смыслов недосягаемы, что, к примеру, демонстрирует сопоставление слова «презентация», подразумевающего благоприятную возможность продажи, со словом «представление», с его двусмысленным значением.

Однако именно язык ведёт нас к смыслосоответствию, к необходимости называть вещи своими именами, то есть от сути слов – к сути жизни, к бытию. Так, слово «кризис» означает «суд», то есть акт, обнажающий суть, выражающий символизм обновления. Сегодня его важнейшее значение – обретение подлинности, в частности – природы человека, его культуры и образования, и это самоорганизующий духовный фактор. Человек реального будущего – это возвращение к духовному естеству, это власть спасателя, удерживающего и утешающего мир в экстремальном «торможении над пропастью», власть имманентной этики в природе инстинктов, в принципах религии, политики, социальной жизни.

Традиционно неизменную этическую константу через образ Христа не в разуме, но в человеческом сердце, утверждала христианская мораль, провозглашая тем самым, что человек – больше, чем человек, и одновременно созидая смирение рукотворной человеческой культуры. В этой сакральной трактовке «обóжение» человеческого духа, души, тела, когда Божий лик проступает сквозь черты лица, обуславливает не просто соразмерный человеку мир, видимый ему горизонт, но и вечное «невидимое» над ним. Когда неповторимое истечение человеческого начала в мир, его подлинное переживание, тишина безмолвного моления, – создают уют обители, гармонию очеловеченного пространства, тогда именно человек становится всеобщим «связующим веществом» мироздания. Исцеление человека, а не подмена человеческого, вновь может состояться, согласно этой духовной аксиоме, в сосредоточении на сердечности, на чуткости к ближнему, во внимании ко всем проявлениям души, в мышлении и делании блага – истоки того и другого сокрыты в сердце.

Заметим, что фундаментальный духовный этос чрезвычайно конструктивен, снимая внешние противоречия конфессиональных трактовок или светских интерпретаций задач просвещения. Образование как процесс предполагает соединение высших смыслов, соóбразность. Образование человека буквально – это его духовное становление, проявление божественного начала, его проникание к единственно истинному в его существе разуму сердца, «очам духа». В современном прочтении это означает, что человек, разумеется, много больше, чем его профессионализм, существование в социальной системе, чем даже его жизнь, если она лишена достоинства, духовного искания, морального звания человека. Также разумеется, что Человек с большой буквы, человек как мировоззрение и мироздание,

начинается с учителя, с примера не как благополучно прожить, но как подлинно быть, «прозвучать в вечности».

Даже предельная степень социального расщепления, размежевания, распада, тенденция «расчеловечивания» преодолевается не диалектически, противоположными тенденциями, но импульсом абсолютного смыслобытия в его вечной константе, недетерминированным одухотворённым значением. Зло *не превращается* в Добро, Добро настаёт, ничтожа Зло, Мессия приходит безотносительно «миру скорбей».

Таинство образования человека имеет первоначальный духовный завет соответствия абсолютному эталону: это соединение, сочувствие, обретение целостности. Что ярко символично в «молчащем» мире «информационного потока» экзистенциального одиночества, потерянной подлинности, максимальной закрытости и автономности, подразумевающей смерть любого организма, коллапс любой системы.

К безмолвию явленной истины возвращает *уединение* буквально: проникновение в Единое, постижение его сути, «посев» себя в неизмеримо большем, оплодотворение мыслью, словом, плодотворность идеи, поступка, – что предшествует *объединению* с целым – сущностным, природным, общенациональным – сопричастию с ним, рождению подлинного себя частью мироздания. Так, онтологические, этические и педагогические смыслы едины: живой человек и живое знание – основа образования и бытия.

Наша онтологическая состоятельность уже сегодня может быть начата с культуры мысли, с «цифровой гигиены», бережности к старости, к хрупкости человеческой жизни, с общегосударственных программ «Детство», «Юность», «Отклик таланту», «Родная книга». Это особенно актуально в ситуации напряжённого поиска мира. Человек, как и окружающая его природа, по-прежнему таинство в своей духовной сущности. Таинство в истине, как истина в таинстве. Только в Истине может состояться Мир.

## СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аблеев С. Р., Кузьминская С. И. Технологическая дегуманизация образования: сущность проблемы и социально-психологические последствия // Вестник Московского университета МВД России. – 2019. – № 6. – С. 314–318.

2. Антонов Д. А. Соборность и общинность как важнейшие определения идентитета российского общества // Среднерусский вестник общественных наук. – 2013. – № 3. – С. 7–13.

3. Бауман З. Глобализация. Последствия для человека и общества / пер. сангл. – М.: Издательство «Весь Мир», 2004. – 188 с.

4. Ковба Д. М., Грибовод Е. Г. Теоретические аспекты феномена трансгуманизма: основные направления // Дискурс-Пи. – 2019. – № 3 (36). – С. 38–52.

5. Муслимов Т. К. Фундаментальные причины религиозных расколов и прецеденты их преодоления // Россия и мусульманский мир. – 2014. – № 4. – С. 164–171.

6. Панарин А. С. Постмодернизм и глобализация: проект освобождения собственников от социальных и национальных обязательств // Вопросы философии. – 2003. – № 6. – С. 16–36.

7. Путин: мир вступил в длительный период поиска и «движения на ощупь». – URL: https://tass.ru/politika/25235009 (дата обращения: 14.03.2026).

8. Тен В. В. Шизофренизация массового сознания и необходимость ноосферного фундаментализма // Маркс, Вернадский и фундаментальные стратегии России XXI века:

коллективная монография. Сборник статей по итогам симпозиума, октябрь 2017 г. – СПб.: Издательство ВВМ, 2018. – С. 197–213.

9. Фурсов А. И. Демонтаж капитализма. Интервью. – URL: https://gtmarket.ru/library/articles/554 (дата обращения: 12.03.2026).

10. Baars Bernard J. A cognitive theory of consciousness. – New York: Cambridge University Press, 1988. – 424 p.

11. Hassan Ihab Habib. The right promethean fire: imagination, science, and cultural change. – Urbana: University of Illinois Press. – 218 p.

12. Kohler Michael. «Postmodernismus» Ein begriffsgeschichtlicher Oberblick, Amerikastudien. – 1977. – Vol. 22, No. 1. – Pp. 19–46.

13. Smith A. Between facts and myth: Karl Jaspers and the actuality of the axial age // International Journal of Philosophy and Theology. – Vol. 76. – No.4. – Pp. 315–334.

**REFERENCES**

1. Ableev S. R., Kuzminskaya S. I. Technological dehumanization of education: the essence of the problem and socio-psychological consequences // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2019. – No. 6. – Pp. 314–318.

2. Antonov D.A. Conciliarity and community as the most important definitions of the identity of Russian society // Central Russian Bulletin of Social Sciences. – 2013. – No. 3. – Pp.7–13.

3. Bauman Z. Globalization. Consequences for man and society / translated from English. – Moscow: Publishing house «The Whole World», 2004. – 188 p.

4. Kovba D. M., Gribovod E.G. Theoretical aspects of the phenomenon of transhumanism: the main directions // Discourse-Pi. – 2019. – № 3 (36). – Pp. 38–52.

5. Muslimov T. K. Managerial decisions and transitions // Russia and the Muslim World. – 2014. – № 4. – Pp.164–171.

6. Panarin A. S. Postmodernism and globalization: the project of freeing owners from social and national obligations // Questions of Philosophy. – 2003. – № 6. – Pp. 16–36.

7. Putin: the world has entered a long period of search activity and «movement on earth». – URL: https://tass.ru/politika/25235009 (date of reference: 03/14/2026).

8. Ten V. V. Schizophrenization of mass consciousness and the need for noospheric fundamentalism // Marx, Vernadsky and the Fundamental Strategies of Russia in the 21st century: a collective monograph. Collection of articles on the results of the symposium, October 2017. – Saint Petersburg: VVM Publishing House, 2018. – Pp. 197–213.

9. Fursov A. I. Dismantling of capitalism. – URL: https://gtmarket.ru/library/articles/554 date of request: 12.03.2026).

10. Bernard J. Baars Cognitive theory of consciousness. – New York: Cambridge University Press, 1988. – 424 p.

11. Hassan Ihab Habib. The True Promethean Fire: Imagination, Science, and Cultural Change. – Urbana: University of Illinois Press. – 218 p.

12. Kohler Michael. «Postmodernism» is one of the largest literary publications in America. 1977. – Vol. 22. – No. 1. – Pp.19–46.

13. Smith A. Between facts and myth: Karl Jaspers and the relevance of the Axial Age // International Journal of Philosophy and Theology. – Vol. 76. – No. 4. – Pp. 315–334.